

РОКОВЫЕ ГОДЫ

(ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ)

9. — КОНТУРЫ КАДЕТСКОЙ КОНСТИТУЦИИ И ПАРТИИ К.-Д.
— ПОДГОТОВКА К ОТКРЫТИЮ ПАРТИИ НА СЕНТЯБРЬСКОМ
СЪЕЗДѢ. — ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА ПРИ ОТКРЫТИИ
УЧРЕДИТЕЛЬНАГО ОКТЯБРЬСКАГО СЪЕЗДА. — МОЙ ВСТУ-
ПИТЕЛЬНЫЙ ДОКЛАД. — ОТНОШЕНІЕ К МАНИФЕСТУ 17
ОКТЯБРЯ. — ОБЫВАТЕЛЬ «ЛИТЕРАТУРНАГО КРУЖКА» И
НИКИТСКОЙ УЛИЦЫ.

Вскорѣ послѣ моего возвращенія из за-границы (апрѣль 1905) один из самых наших дѣятельных единомышленников, Д. И. Шаховской, улыбаясь, передал мнѣ коротенькую рукопись под загадочным и весьма академическим заглавіем: «Изложеніе проекта Геллерта». — Геллерт? Извѣстный германскій баснописец ХУІІІ столѣтія? Что такое? Рѣчь шла о переходѣ от самодержавія к конституціонному строю... в австрійской имперіи. Но с первых же строк видно было, что дѣло идет о Россіи. В весенніе мѣсяцы 1905 г. мы еще говорили «эзоповским языком». «Проект Геллерта» содержал краткій конспект будущаго конституціоннаго строя в Россіи, набросанный твердой рукой опытнаго государствовѣда, прекрасно знакомаго и с конституціями стараго и новаго свѣта, и с условіями их примѣненія к мало - подготовленной Россіи. Таким был у нас молодой Ф. Ф. Кокошкин. Идеи, развитыя на этих четырех листиках, несомнѣнно вошли в сознаніе среды, собиравшейся на земских сѣздах, а через нее и в программу будущей партіи. Здѣсь были двѣ демократически составленныя палаты, о которых мы много спорили с Кокошкиным, и двухстепенные выборы при всеобщем избирательном правѣ, за которые упорно держалась руководящая часть партіи; предварительная реформа мѣстнаго самоуправленія, обусловливавшая состав верхней палаты; право автономіи, мѣстнаго сейма и отдѣльнаго пред-

ставительства для «Галиціи» (Царства Польскаго) и возстановленіе государственных прав в «Чехіи» (Финляндіи): словом, весь круг вопросов, положенных в основу политических воззрѣній будущей партіи к.-д. Ряд тонких наблюденій и отдѣльных штрихов показывал, что автор и его окруженіе прекрасно понимали обстановку, в которой совершается «переход» к новому строю — и намѣренно обходили точное предсказаніе событій, при которых этот «переворот» совершится, предоставляя ход дѣла «обстоятельствам».

Однако, будущая «партія» не должна была занимать положеніе чисто выжидательное — до наступленія этих «обстоятельств»; она должна была к ним готовиться. Слѣдующія четыре странички и посвящались подготовкѣ кадров партіи и мѣрам для ея распространенія в странѣ. Все это было так же умно и продуманно; но предвидѣлись и препятствія — как со стороны, в случаѣ неудовлетворенности населенія отсутствіем всеобщаго избирательнаго права и «цензовым» характером состава конституціонной партіи, — так и изнутри — в виду непривычки партійнаго состава к употребленію агитаціонных и пропагандистских приѣмов, не всегда даже «моральных». Все это было предусмотрено в запискѣ, и против этого рекомендовались даже извѣстные средства; но существо неизбѣжных и неотвратимых в политикѣ трудностей от этого не измѣнялось.

В двух отмѣченных направленіях и развивалась подготовительная работа к образованію партіи: в программном направленіи — с несомнѣнным успѣхом, в тактическом — с несомнѣнными неудачами. Вот частный, но характерный примѣр: проект предполагал широкое распространеніе среди масс общедоступной пропагандистской литературы. Но когда цензурныя препятствія ослабѣли, центральная группа издала ряд серьезных руководящих работ по прекрасно изученному матеріалу, тогда как Россія была «наводнена» (выраженіе проекта) брошюрной пропагандистской литературой, созданной лѣвыми партіями, болѣе приспособленными для этой цѣли. Конечно, эта литература содѣйствовала широкому распространенію лѣвых взглядов, тогда как «кадетская» осталась извѣстна одним специалистам.

«Болѣе приспособленной» (конечно, относительно) была, стоявшая рядом с земцами - конституціоналистами, группа «Союза Освобожденія» — в лѣвой части своего состава. Когда воз-

ник вопрос о созданіи партіи, «Союз» на своем третьем мартовском с'ѣздѣ первый отозвался на эту потребность — и составил примѣрную, очень полную партійную платформу. Но он отступил тогда перед образованіем партіи, в виду обнаружившейся неспѣлости воззрѣній своих участников. Когда в іюль земско - городской с'ѣзд признал созданіе партіи задачей неотложной, то в концѣ августа четвертый с'ѣзд «Союза» приступил уже к исполнителным мѣрам.

Характерен состав этого с'ѣзда освобожденцев. Земцы и городскіе гласные составляли около трети. Остальныя двѣ трети состояли или из, так называемаго, земскаго «третьяго элемента» — радикальных служащих земства, или из либеральных профессій — литераторов, юристов, врачей, инженеров, профессоров и других участников извѣстных нам «союзов». Главная задача партіи была, однако, формулирована в полном согласіи с земцами - конституціоналистами, как «переход Союза Освобожденія от тактики тайнаго общества к тактикѣ открытой политической партіи в европейском смыслѣ слова». Прибавлю, что именно эта задача и стала личной главной цѣлью в дальнѣйшей работѣ по созданію и направленію дѣятельности партіи. Но отдѣлить эту задачу от окружающей обстановки оказалось чрезвычайно трудным. Для выполненія задачи с'ѣзд «Союза Освобожденія», в дополненіе к комиссіи 20-ти, выбранной іюльским земским с'ѣздом, выбрал — отчасти из тѣх-же лиц — свою комиссію 40 членов. В основу ея работы была положена упомянутая программа мартовскаго третьяго с'ѣзда. Она была наиболее точно формулирована как раз по отдѣлам, недостававшим в земской программѣ. Земцам надо было к ней подтянуться. Это они и рѣшили сдѣлать уже в іюль путем разработки неготовых до тѣх пор отдѣлов программы, как сказано раньше. Итоги этой работы должны были быть представлены на с'ѣздѣ 12-15 сентября, перед образованіем партіи. На этом послѣднем с'ѣздѣ, между прочим, я был избран, одновременно с профессором М. М. Ковалевским, в состав организаціоннаго бюро с'ѣздов. Фактически большой перемѣны тут не было; но формально именно с этого момента начинается моя отвѣтственная роль в процессѣ образованія партіи.

Нельзя сказать, чтобы в этот заключительный період работы с'ѣзд и его комиссіи пошли всецѣло по стопам мартовской про-

граммы «Союза Освобожденія». Нѣкоторые острые углы были за-тушеваны; зато сильно двинута вперед техническая разработка отдѣльных пунктов программы. В общем, в сентябрѣ уже не чувствовалося оптимистически - наступательнаго настроенія, как в июлѣ. Булыгинскій проект со всѣми своими отрицательными сторонами был уже совершившимся фактом — и отношеніе к нему осталось безусловно отрицательное. Но поневолѣ передвинулось отношеніе к выборам по непригодному избирательному закону; не было больше рѣчи о непосредственном соглашеніи с «народом». В июлѣ вхожденіе, в возможно большем числѣ, «сплоченной группы» единомышленников в Булыгинскую Думу должно было «служить средоточіем и точкой опоры для общества и движенія, стремящагося к достиженію политической свободы и правильнаго народнаго представительства». Но при этом уже указана и «цѣль — добиться через его (будущаго собранія) посредство гарантій личной и общественной свободы... и введенія народнаго представительства (на началах всеобщаго избирательнаго права)». В сентябрѣ эта формула была повторена, хотя и было очевидно, что тут сопоставлены двѣ разныя тактики: борьба извнѣ государственной думы с борьбой изнутри. Онѣ, правда, не находились в обязательном противорѣчій и, напротив, могли бы содѣйствовать одна другой — при условіи согласованнаго руководства движеніем. Но поповали в различныя руки — и использованныя для достиженія противоположных цѣлей — онѣ должны были столкнуться и взаимно обезсидить одна другую.

В «центральный избирательный комитет» в Петербургѣ был избран на нашем с'ѣздѣ и я; но «вопрос об активном участіи комитета в выборной кампаніи оставлен открытым». Характерной особенностью сентябрьскаго с'ѣзда было и то, что в нем, при общем составѣ в 130 представителей земцев и 63 представителей городов, сложилось новое (послѣ ухода Шиповской группы) меньшинство в 31-39 человек. Оппозиція проявилась не по поводу отдѣлов программы, введенных на основѣ мартовской платформы «Союза Освобожденія», а в связи с отдѣлом, вновь и очень тщательно разработанным Ф. Ф. Кокоскиным — о децентрализаціи Россіи и об автономіи Польши. На с'ѣздѣ присутствовали представители «неземских» (западных) губерній. Польская автономія (при условіи сохраненія единства Россіи и ис-

правления этнографических границ), послѣ жаркаго спора между А. И. Гучковым и Врублевским, прошла против одного голоса. Но обставленная всякими предосторожностями «децентрализація» («послѣ установленія прав гражданской свободы и правильнаго народнаго представительства для в с е й имперіи... по мѣрѣ выясненія потребности мѣстнаго населенія и естественныхъ границъ автономныхъ областей... открытіе законнаго пути для установленія мѣстной автономіи») собрала против себя меньшинство в 37 голосовъ при большинствѣ в 78 голосовъ.

Впервые намѣтилась здѣсь возможность появленія конкурирующей партіи «17 октября». В другомъ мѣстѣ я напомнил, что сентябрьскій с'ѣзд «собирался при мрачныхъ предзнаменованіяхъ, при заревѣ аграрныхъ пожаров, при первыхъ проявленіяхъ черносотенной реакціи в провинціальныхъ городахъ». Мы ждали, что обывательскій испуг отразится на настроеніи пріѣхавшихъ делегатовъ. Но большинство осталось сплоченнымъ. Меньшинство молчало на с'ѣздѣ, хотя за стѣнами с'ѣзда уже обвиняло бюро с'ѣздовъ в «самовластіи», а самый с'ѣзд — в «самозванствѣ» и «радикализмѣ». Почтенное имя перваго предсѣдателя с'ѣзда, гр. П. А. Гейдена, появилось потомъ первымъ под «воззваніемъ» союза 17 октября. А. И. Гучковъ своими возраженіями противъ «автономіи» выдвинулся в шефы. Такъ начиналась дифференціація в п р а в о от насъ. О дифференціаціи в л ѣ в о сейчасъ будетъ рѣчь.

Учредительный с'ѣздъ партіи былъ назначенъ окончательно, послѣ всѣхъ этихъ приготовленій, на 12-е октября. Было ясно заранее, что на немъ повторятся разногласія мартовскаго с'ѣзда «Союза Освобожденія» — и что договориться до полнаго единенія будетъ трудно. Но событія оставшагося мѣсяца накалили атмосферу и еще больше увеличили эти трудности. Уже в сентябрѣ забастовочное движеніе стало принимать «всеобщій» характеръ, втягивая в себя элементы, обычно далекіе от политики, и становясь в буквальномъ смыслѣ общенароднымъ. Забастовка желѣзнодорожныхъ узловъ наложила окончательный штрихъ, прервавъ, вслѣдъ за остановкой всѣхъ отраслей общественной и государственной жизни, самую возможность передвиженія. Это, между прочимъ, отрѣзало путь в Москву, на с'ѣздъ, почти тремъ четвертямъ его членовъ. Поднимался вопросъ о самой возможности признать такой с'ѣздъ — законнымъ. Но, с другой стороны, событія развертывались та-

ким лихорадочным темпом, что формальное объявление партии открытой становилось политически неотложным, — тем больше, что все было для этого подготовлено.

Между тем, вместе с переменной общественной обстановки быстро поднимались и радикальные настроения широких кругов. По слухам объявления высших учебных заведений автономными они стали недостижимы для полиции, и ежедневные митинги в аудиториях скрепили требования дня. Правительство растерялось, овладеть революционным движением оно уже не могло, войска еще не вернулись с театра войны; Портсмутский мир был только что заключен, и «герой» мира Витте вернулся в Петербург в ореол будущего «спасителя России». Старые уступки правительства представлялись уже явно недостаточными, Булыгинская дума уходила в какой-то туман; как далеко пойдет правительство навстречу новым требованиям общества, что можно сделать помимо воли правительства — все это оставалось неясным; предельные возможности, казалось, расширялись до бесконечности; название «конституционно» — демократической партии начинало казаться препятствием для торжества усвоенных публикой социалистических лозунгов — демократической республики в окружении «вооруженного восстания», «временного правительства» и всего того, что с этим связывалось в решениях третьего (большевистского) съезда. Сохранить спокойствие и трезвость суждения в этой обстановке становилось особенно трудно. Бюро съездов и сплотившаяся около него группа, встревоженная отпадениями вправо и ожидавшая усиленного напора слева, все же решились выдержать на съезде линию июльского и сентябрьского съездов, не подаваясь назад, но и не идя навстречу повышенным требованиям момента.

Мне было поручено сделать в этом смысле вступительное обращение к съезду. Сокращенный состав его и отсутствие многих петербургских членов «Союза Освобождения» несколько облегчали задачу, — но и делали ее больше ответственной. Это выступление, собственно, было первым моим политическим крещением. Предопределяя характер складывавшейся партии, я предпринимал и собственное политическое поведение. Я знал, что предстоит бой и что в борьбу, помимо состоявшихся партийных решений, мне придется внести и свой личный элемент — на собственную ответственность. Это был вступительный экзамен на «лидерство».

Переход от «союза» к «партии» требовал установления больше

тѣснаго единства партійныхъ взглядовъ и, в предѣлахъ этого единства, введенія обязательныхъ рамокъ партійной дисциплины. При этомъ, однако же, составъ с'ѣзда — и будущей партіи — былъ достаточно разнообразенъ: с'ѣзжались, в сущности, два теченія, в общемъ включавшихъ в себя т. наз. «освободительное движеніе» послѣднихъ годовъ, но все же неодинаковыхъ по политическому настроенію: «освобожденцы» и «земцы — конституціоналисты». Предѣлы разногласій, слѣдовательно, должны были быть установлены, по крайней мѣрѣ на первый разъ, достаточно широкіе. Политическая реформа, какъ путь, социальныя реформы, какъ цѣль: такъ ставилась общая задача. Первая часть обозначалась понятіемъ «конституціонной», вторая — «демократической» партіи; но и то и другое понятіе включали в себя опредѣленные ограниченія. Политическая реформа не должна была быть «республиканской», демократическая не должна была быть «соціалистической». Граница направо была, при этихъ условіяхъ, достаточно ясна: она проходила тамъ, гдѣ начинались классовыя стремленія русскихъ промышленниковъ и аграріевъ. Тѣ и другія уже тогда проявились вполне опредѣленно, — хотя бы в оппозиціи реформѣ со стороны дворянства и в пресловутой «конституціи» Крестовникова. С этой стороны наши противники не выступали, правда, под открытымъ забраломъ, ограничиваясь обвиненіями в стремленіи разрушить «единство и нераздѣльность Россіи» (А. И. Гучковъ и будущая партія 17 октября) и в отрицаніи «неприкосновенности частной собственности». На это я отвѣчалъ, что «ни того, ни другого к. д. партія, разумѣется, не отрицаетъ; но она является непримиримымъ противникомъ бюрократической централизаціи и манчестерства».

Граница партіи надѣво была гораздо менѣе ясна: тутъ были «не противники, а союзники». В порядкѣ, такъ сказать, программы-минимумъ, эта граница была абсолютна. Партія — противъ «требованій демократической республики и обобществленія средствъ производства». Другое дѣло — программа — максимумъ. Я выразилъ эту разницу такъ в своей вступительной рѣчи: «Одни из насъ не присоединяются къ этимъ лозунгамъ, потому что считаютъ ихъ вообще неприемлемыми; другіе — потому что считаютъ ихъ стоящими внѣ предѣловъ практической политики». «Этого рода препятствія — не неустранимы, если не смотрѣть на партію, какъ на соединеніе вѣчное». Но надо помнить, что ихъ не слѣдуетъ касаться, пока партія будетъ существовать, какъ таковая. «До тѣхъ поръ, пока возможно бу-

дет итти к общей цѣли вмѣстѣ, несмотря на это различіе мотивов, объ группы партіи будут выступать, как одно цѣлое. Но всякая попытка подчеркнуть только-что указанные стремленія и ввести их в программу будет имѣть послѣдствіем немедленный раскол». Представленный здѣсь ультиматум я старался затѣм смягчить призывами к «политической дальновидности и благородію, чтобы избѣжать раскола в настоящую минуту», и указаніями на то, что и так «наша программа — наиболее лѣвая из всѣх, какія пред'являются аналогичными нам политическими группами западной Европы» и что для Россіи это есть «первая попытка претворить интеллигентскіе идеалы в осуществимыя практическія требованія, взявъ из литературныхъ декларацій все, что можетъ быть введено в политическую программу». Я ссылался также и на то, что, хотя «этот характер программы можетъ не быть оцѣнен по достоинству в моментъ такого высокаго напряженія общественныхъ сил, какой мы сейчасъ переживаем, но он, безъ сомнѣнія, будетъ оцѣнен впоследствии».

Можно было предвидѣть, однако, что мои призывы не подѣйствуютъ. По воспоминанію современниковъ, «пренія на с'ѣздѣ были бурныя», — и с'ѣздъ, объективно говоря, уже закончился расколомъ. Об особенной «бурности» преній у меня лично не сохранилось воспоминаній. Всѣ пункты программы были разработаны очень близко къ тексту рѣшеній мартовскаго с'ѣзда «Союза Освобожденія», но технически они были формулированы точнѣе и развиты детальнѣе. Не помню, чтобы, по крайней мѣрѣ, в данномъ, ограниченномъ, составѣ с'ѣзда, гдѣ многіе вліятельные освобожденцы отсутствовали, они вызвали особенныя обостренія. «Бурныя» настроенія вызвало развѣ только оставшееся в памяти пререканіе между мною и моею женою по поводу расширенія избирательныхъ правъ на женщинъ. Мнѣ потомъ, в четвертой Думѣ, пришлось с трибуны защищать этотъ самый тезисъ; но в 1905 году я тщетно старался убѣдить собравшихся, что наша программа и безъ того перегружена, что тезисъ недостаточно актуален и что не надо допускать, чтобы весь груз пошелъ ко дну. При всемъ вліяніи бюро, которое поддерживало этотъ тезисъ в теченіе предыдущихъ земскихъ с'ѣздовъ, я остался в значительномъ меньшинствѣ. Все наше вліяніе выразилось лишь в примѣчаніи къ программѣ (впоследствии уничтоженномъ), согласно которому для меньшинства постановленіе большинства с'ѣзда, в видѣ исключенія, разрѣшено было считать необязательнымъ, — такъ же какъ и «различіе мнѣній» об одной или двухъ палатахъ в будущемъ государ-

ственном строе. Больше принципиальные вопросы (республика или монархия, назначение земельного фонда, образуемого из «национализуемых» земель и т. п.) были обойдены или затушеваны в программных формулировках, — решение их предоставлялось будущему.

Для данного момента наиболее существенное значение имѣлъ тактический вопрос — об отношеніи партіи къ выборамъ в государственную думу и къ программѣ дѣятельности ея членовъ в самой думѣ. Тут стояли на ближайшей очереди вопросы о полном отрицаніи данной формы народнаго представительства или о различныхъ способахъ использованія его для постановки вопроса об учредительномъ собраніи и всеобщемъ избирательномъ правѣ — внутри или внѣ думы; о томъ, что уже тогда называли допустимой «органической работой» в гос. думѣ и т. п. Докладъ о всѣхъ этихъ тактическихъ вопросахъ былъ также возложенъ сѣздомъ на меня. Но, помимо ихъ чрезвычайной трудности, что могъ я сдѣлать, когда политическая обстановка мѣнялась каждый день и когда на первую очередь сталъ въ порядкѣ дня вопросъ об отношеніи партіи къ всеобщей забастовкѣ? Во вступительномъ докладѣ, сдѣланномъ в день открытія сѣзда, 14 октября, т. е. за три дня до манифеста, котораго никто, конечно, не ожидал, хотя и ходили темные слухи, что на верхахъ что-то готовится, — пришлось ограничиться по вопросамъ тактики нѣсколькими общими фразами о нашемъ отношеніи къ (Булыгинской) думѣ. В два ближайшіе дни приходилось дважды отложить докладъ о тактикѣ, — а докладчику дважды его передѣлывать. На третій день вопросъ разрѣшился совершенно неожиданно. Уже къ вечеру, къ концу затянувшагося засѣданія, вѣжалъ в залъ запылавшійся сотрудникъ дружественной газеты, потрясая смятымъ листкомъ корректуры, на которомъ излагался еще не успѣвшей высохнуть типографской краской текстъ манифеста 17 октября. Прочтеніе этого текста съ трибуны было и первымъ ознакомленіемъ самого бюро съ его содержаніемъ. В немъ чередовались «смуты и волненія... преисполнившія сердце Наше тяжелой скорбью» и «великій обѣтъ Царскаго служенія»; «принятіе мѣръ къ скорѣйшему прекращенію опасной смуты», а параллельно съ этимъ, — «для успѣшнѣйшаго выполненія умиротворенія», обѣщанія «даровать незыблемыя основы» на этотъ разъ уже самой «дѣйствительной неприкосновенности личности» и «гражданской свободы». А, главное, — «никакой законъ безъ одобренія думы»; для «выборныхъ отъ народа» — «дѣйствительное уча-

стіе в надзорѣ за властями, и даже ... привлеченіе к выборам в думу «совсѣм лишенных избирательных прав классов населенія», с перспективой «дальнѣйшаго развитія общаго избирательнаго права вновь установленным законодательным порядком»!... Старое с новым; новыя обѣщанія — или новыя хитрости? Во всяком случаѣ, что-то дѣйствительно новое — и давно ожидаемое; какая - то наступает новая эпоха!!

Дальше медлить было нельзя; перед самым закрытіем с'ѣзда оставалось спѣшно об'явить новую партію — существующей и от нея имени принять привѣтствіе участникам всеобщей забастовки, как «мирнаго» и «организованнаго» метода борьбы, непосредственно вызвавшаго очередную капитуляцію власти... Участники с'ѣзда отправились затѣм продолжать дальнѣйшій обмѣн мнѣній — в Литературный Кружок на Большую Дмитровку, гдѣ ожидал их жаренѣе заготовленный банкет по случаю окончанія с'ѣзда.

В верхнюю столовую, гдѣ был накрыт длинный стол для членов с'ѣзда и почетных московских гостей, приходилось пройти через нижній игорный зал. Восторженное настроеніе по поводу одержанной побѣды уже овладѣло обычными посѣтителями этого зала, покинувшими игорные столы при нашем приходѣ; кромѣ них, конечно, зал был переполнен и смѣшанной публикой. Особенное вниманіе присутствовавших почему-то сосредоточилось на мнѣ. Меня подняли на руки, потащили к столу, поставленному среди комнаты, водворили на стол, всунули в руку бокал с шампанским и — особенно ретивые — полѣзли на стол цѣловаться, обливши меня при этом изрядно московским липучим напитком. Затѣм, когда все немножко успокоилось и около стола плотно сгрудилась толпа, от меня потребовали рѣчи, которая, конечно, должна была быть преисполнена соответственнаго праздничнаго настроенія. В моем лицѣ, очевидно, чествовали героев побѣды...

Но до побѣды было еще далеко: таково было мое личное настроеніе. Я не успѣлъ еще справиться, таково-ли оно было и у других моих товарищей по с'ѣзду. И вмѣсто горячей торжествующей рѣчи я вылил на окружившую меня и успѣвшую повеселѣть толпу цѣлый ушат холодной воды. Да, говорил я им, это успѣх и успѣх большой. Но вѣдь — не первый. — Это лишь новый этап борьбы, но сколько их осталось позади! Чтобы побѣдить даже на этом этапѣ, мало и преждевременно торжествовать побѣду. Надо умѣть удержать ее, не покидая боевого поста; надо продолжать кажды*

день борьбу за свободу, чтобы оказаться ея достойными. Тут мало — «героев», тут нужен обыватель, и я призывал обывателя под-держивать готовность к геройским поступкам. Я, разумеется, не помню выражений взволнованной рѣчи, но вѣроятно она была не-вполнѣ лестна и убѣдительно для собравшихся меня слушать. По крайней мѣрѣ, слѣзть со стола и перебраться в верхній зал для меня оказалось легче, чѣм попасть на эту импровизированную трибу-ну. Восторг, конечно, продолжался, и проводы были шумные, но, как мнѣ показалось, нѣсколько болѣе искусственные, нежели мое триумфальное водвореніе на стол.

В верхнем залѣ настроеніе было тоже оживленное, и рѣчей было много. Мнѣ и тут пришлось говорить первым. Но среди сво-их и близких тема, конечно, была другая. Надо было анализиро-вать происшедшее и намѣтить, хотя бы приблизительно и слѣпно, свое к нему отношеніе. Здѣсь скептическая нота преобладала. Я не помню, имѣл-ли я уже к этому моменту текст доклада Витте, сопровождавшаго манифест и прибавлявшаго к нему всякія оговор-ки, свидѣтельствовавшія о пониманіи общественнаго настроенія, вызвавшаго уступки, и о необходимости с ним сообразоваться. Как бы то ни было, уклончивость выражений самого манифеста, в свѣ-тѣ предыдущих таких - же высочайших выступлений с уступками, была совершенно очевидна. Это была матерія из той же фабрики, хотя Побѣдоносцева за нею больше не чувствовалось.

Почему говорится о «скорби и обѣтѣ к скорѣйшему прекра-щенію смуты» мѣрами власти, когда принимаются «мѣры к уми-ротворенію государственной жизни» с цѣлью прекратить эту са-мую «смуту» мирным порядком? Почему даются одни только обѣ-щанія на будущее, выполнение которых предоставляется «об'еди-ненному» кабинету? Что это будет за кабинет и насколько положи-тельны самыя обѣщанія? Почему понадобилось подкрѣпить на сей раз обѣщаніе «незыблемых основ» словом «дѣйстви-тельный»? Почему выборы в государственную думу «не оста-навливаются», а новые элементы населенія привлекаются лишь «по возможности» и в порядкѣ искусственной слѣпности, с предо-ставленіем «развитія начала общаго избирательнаго права» «вновь установленному законодательному порядку»? Почему говорится только о «развитіи», о «началѣ» и об «общем» вмѣсто «всеобща-го» права? Хорошо, что Дума наконец привлекается к изданію за-конов, но почему говорится лишь о ея «одобреніи»: в чем вооб-

еще будет заключаться этот новый законодательный порядок, почему при этом умалчивается вовсе о другом факторе законодательства, Государственном Совете; каковы гарантии «действительного участия выборных от народа» в надзор над «властями», почему контроль назван «надзором» и ограничен «закономѣрностью», почему подчеркнуто, что власти «поставлены от нас», т. е. как бы несмѣняемы, а депутаты названы по-старинному «выборными»?

Двусмысленность новых обща́нй ярко просвѣчивала сквозь все эти, болѣе чѣм осторожныя фразы. И отвѣтственность партіи перед принятіем новых рѣшеній относительно участия в Государственной Думѣ возобновлялась в полной мѣрѣ. Создавалось вообще новое положеніе, и созыв партійнаго сѣзда для выясненія нашего отношенія к нему становился необходимым даже и независимо от неполноты состава только что закрытаго учредительнаго сѣзда. вмѣстѣ с тѣм вполне оправдывалась и своевременность появленія на свѣт новой партіи — хронологически первой политической партіи, рассчитанной на открытую и легальную политическую работу в новом представительном органѣ, на этот раз надѣленным правами законодательства.

Сильное утомленіе послѣ нѣскольких дней напряженной работы и участія в преніях заставило меня провести все слѣдующее утро и часть дня дома. Я, таким образом, только из сообщеній очевидцев узнал о проявленіях радости на улицах Москвы по поводу манифеста 17 октября. Но выйдя на Малую Никитскую утром слѣдующаго дня, я натолкнулся на зрѣлище иного характера. Вверх от бывшаго Охотнаго ряда поднималась к Никитским воротам толпа в картузах и «чуйках», какую мы в тѣ времена так и называли «охотнорядцами», разумѣя под ними очень сѣраго обывателя черносотеннаго типа. В руках у шествовавших впереди знаменосцев толпы был большой портрет государя и еще какія-то изображения, которыя я не успѣл разсмотрѣть. Толпа что-то кричала и пѣла, — но, кажется, не гимн, — попутно сбивая шапки со всѣх встрѣчных, не успѣвавших обнажить голову. Чтобы не подвергнуть моего интеллигентскаго котелка подобной же операци, я, должен признаться, свернул в боковой переулочек, и толпа, не очень многочисленная, прослѣдовала мимо. А я оказался свидѣтелем одного из первых проявленій знаменитаго Треповскаго «рукоприкладства» к высочайшему манифесту 17 октября.

П. Милуков